

МЭРИ ШЕЛЛИ



**ФРАНКЕНШТЕЙН,
ИЛИ
СОВРЕМЕННЫЙ
ПРОМЕТЕЙ**

«Франкенштейн, или Современный Прометей» - самый известный роман английской писательницы Мэри Шелли (англ. Mary Shelley, 1797-1851).

Виктору Франкенштейну удается вдохнуть жизнь в неживую материю, но дело его рук оказывается страшным чудовищем.

Другими выдающимися произведениями писательницы являются «Последний человек», «История шестинедельного путешествия», «Судьба Перкина Уорбека», «Лодор», «Фолкнер» и «Вальперга, или Жизнь и приключения Каструччо, князя Лукки».

Мэри Шелли считают основоположницей научно-фантастической литературы. История «рождения» ее Франкенштейна поистине невероятна. Когда чета Шелли находилась на отдыхе в Швейцарии, к ним присоединился Джордж Байрон с предложением: каждый из писателей Женевского озера должен представить на суд публики сверхъестественную историю. Той же ночью, по словам Мэри Шелли, ей привиделся образ ученого, склонившегося над ужасным творением...

Мэри Шелли ФРАНКЕНШТЕЙН, ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

*Санкт-Петербург, 11 декабря 17-го г.
Вручить: Миссис Сэвилл, Англия*

Рад сообщить, что дело, в отношении которого у тебя возникало столько опасений, начало развиваться без каких бы то ни было препятствий. Я приехал сюда вчера, и первое, что хочу сделать, — это заверить тебя, моя дорогая сестра, в том, что чувствую себя превосходно и остаюсь непоколебимым в своих расчетах на успех задуманного мною предприятия.

Петербург находится намного севернее Лондона, и, гуляя по его улицам, я чувствую на своих щеках дуновения холодного северного ветра; они собирают в кулак мою волю и наполняют меня радостью и спокойствием. Ты понимаешь, о чем я говорю? Этот ветер пришел из тех краев, куда я направляюсь, и манит меня представлением об их заледеневших землях. Он вселяет в меня надежду и питает мои мечты еще большим рвением к их осуществлению. Северный полюс в моем воображении всегда был краем красоты и благоденствия, и сейчас я тщетно пытаюсь убедить себя в том, что там нет ничего, кроме мороза и ледяной пустоши. Я убежден, Маргарет, что солнце там никогда не заходит, и его сияющий диск вечно кружит по горизонту. Если верить рассказам бывалых мореплавателей, то снег и мороз под действием солнечных лучей там исчезают, и по спокойному морю ветер гонит корабли к земле, которая по своим красотам и плодородию превосходит любой известный нам район земного шара. Эта земля может обладать невиданным промышленным потенциалом, поскольку в таких безлюдных местах, несомненно, откроются еще не изученные свойства небесных тел. Что может быть неожиданного в стране вечного солнца? — спросишь ты. Отвечу: я смогу там раскрыть природу загадочной силы, которая притягивает стрелку компаса и способна вызывать тысячу небесных явлений. Нужно лишь туда поехать — и все эти кажущиеся чудеса, наконец, получат свое последовательное объяснение. Я страстно хочу своими глазами увидеть эту неведомую нам часть мира и ступить на ее девственную землю. И мои соблазны достаточно сильны, чтобы победить любые страхи перед опасностью или смертью и пуститься в это тяжелое странствие с таким же радостным чувством, какое испытывает подросток, садясь со своими друзьями в маленькую лодчонку, чтобы отправиться в познавательную экспедицию вниз по родной реке. Однако согласись, что если даже все эти предположения окажутся ошибочными, то моя экспедиция принесет человечеству неоценимую пользу тем, что будет открыт, наконец, проход через северный полюс к странам, пути к которым сейчас занимают много месяцев, или же тем, что удастся раскрыть тайну магнита, которая может быть выяснена только путем совершения такого предприятия, какое планирую я.

С этими размышлениями я позабыл об азарте, с которым начинал мое письмо, и, возвращаясь к нему, добавлю, что мною овладевает неведомая тяга, поднимающая меня куда-то ввысь, поскольку ничто не дает душе такого спокойствия, как стремление идти к постоянной цели — точке, на которой разум может сфокусировать всю свою интеллектуальную мощь. Таким поиском я грезил все свои юношеские годы. Я с жаром читал описания различных далеких экспедиций, которые когда-либо предпринимались в целях найти путь в северную часть Тихого океана через моря, окружающие полюс. Ты, наверное, помнишь библиотеку дорогого дядюшки Томаса, которая состояла только из историй путешествий, совершенных в целях открытий? Мое обучение было пущено на самотек, и я с упоением стал читать. День и ночь сидел я над этими книгами, и вместе с накоплением почерпнутых из них знаний, будучи еще ребенком, все чаще печалился по поводу строгого наказа отца, данного моему дядюшке — не позволять мне заниматься мореходством.

Однако мои мечты о мореплавании куда-то испарились, как только я познакомился с поэзией, околдовавшей меня и вознесшей мои мысли далеко в небеса. Я стал писать стихи, вошел в образ поэта и пробыл в нем около года. Я вообразил, что тоже мог бы получить нишу в храме, где освящены имена Гомера и Шекспира. Что меня ждало дальше — ты хорошо знаешь: полный провал и жестокое разочарование. Но случилось так, что как раз в этот период ко мне в наследство перешло состояние кузена, и мои чаяния вновь обратились в русло прежних увлечений.

С тех пор как я всерьез занялся моим нынешним планом, прошло шесть лет. Я и сейчас помню тот день, когда окончательно решил посвятить себя этому делу. Я стал готовить свою душу и тело к трудностям и лишениям, ожидающим путешественников. Я несколько раз плавал с китобоями в Северном море, держал себя в холоде, без еды и воды, подолгу недосыпал. В течение дня я зачастую работал больше, чем рядовые матросы, а ночами штудировал математику, теорию медицины и те разделы физики, которые были наиболее полезными в практике мореходства. Я дважды плавал в качестве второго помощника капитана на гренландском китобойном судне и превосходно справлялся

со своими обязанностями. Не могу не признаться, что я был польщен обращенным ко мне настойчивым предложением моего капитана занять вторую должность на судне, и я воспринял это как высокую оценку моей работы. Так что же, дорогая Маргарет, разве не достоин я обратить свои силы к более высокой цели? Я бы мог провести жизнь в спокойствии и достатке, но всем соблазнам, которое богатство ставит на моем пути, я предпочитаю славу. О, как мне нужно услышать твой ободряющий голос! Я достаточно смел и полон решимости, но порой надежда моя колеблется, а душа впадает в депрессию. Я вот-вот оправлюсь в долгий и нелегкий путь, и на нем для преодоления многочисленных критических ситуаций мне понадобится вся моя стойкость; я должен буду не только поднимать дух других людей, но иногда и поддерживать свой собственный, когда он у них будет падать.

Зима — наиболее подходящее время года для путешествий по России. В эту пору здесь все ездят по снегу на быстрых саниах. Эти сани, можно сказать, летают; от езды на них замирает сердце, а впечатление, на мой взгляд, остается намного приятнее, чем от английских почтовых карет. Холод совсем не донимает, особенно если ты укутан в меха — одежду, к которой я уже привык; одно дело — ходить по палубе, и совсем другое — часами сидеть без движения, когда кровь в жилах просто застывает. У меня нет никакого желания испустить дух в дороге, на почтовом пути от Санкт-Петербурга до Архангельска. Эта поездка должна состояться через две-три недели. В Архангельске я намереваюсь нанять судно и команду. Сделать первое можно довольно легко, если оплатить страховую за владельца, а собрать моряков в нужном мне количестве и качестве я надеюсь среди опытных китобоев. Отправляться в плавание я собираюсь не раньше июня. А когда вернусь — не знаю. Чтобы осуществить задуманное, мне понадобится немало месяцев; может быть, пройдут даже годы, прежде чем мы снова сможем встретиться. Если же меня постигнет неудача, то ты либо увидишь меня скоро, либо не увидишь никогда. Прощай, моя дорогая, любимая Маргарет! Да ниспошлют небеса благословение тебе и спасение мне, чтобы я мог еще не один раз поблагодарить тебя за твою любовь и доброту.

Твой любящий брат, Р. Уолтон

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Архангельск, 28 марта 17- г.

Вручить: Миссис Сэвилл, Англия

Как медленно тянется время в заточении под этими снегами и морозами! Пошел только второй этап моего предприятия. Я нанял судно, и сейчас занимаюсь набором моряков в мою команду. Часть команды уже собрал; думаю, что это надежные и бесстрашные люди, на которых я смогу положиться.

Но у меня нет одного, чего мне не хватало всю жизнь и отсутствие чего я считаю наиболее больным моим местом — мне нужен друг, Маргарет. Мне нужен человек, с которым я могу разделить свою радость, охватывающую меня огнем энтузиазма в случае достижения успеха. Если же на меня нападет тоска, то никого не будет поблизости, чтобы поддержать и приободрить меня. Конечно, я смогу излить свою горечь пером на бумаге; но это плохой способ для того, чтобы передать свои чувства. Я нуждаюсь в обществе товарища, которому я бы мог рассказать о своих переживаниях и глазами встретить его понимающий взгляд. Ты сочтешь меня романтиком, но отсутствие друга действительно лежит горечью на моей душе. У меня рядом нет никого, кто бы был и мягок и смел, обладал тонким и, в то же время, большим умом, вкусы которого были бы подобны моим, и кто бы мог одобрять или корректировать мои планы. Как бы здорово такой друг исправлял ошибки твоего бедного брата! Я слишком горяч в работе и слишком нетерпелив в преодолении трудностей. Но еще большей моей бедой является то, что я вырос самоучкой; я до четырнадцати лет был предоставленным самому себе маленьким сорванцом и не читал ничего, кроме книг о путешествиях, которые брал у дядюшки Томаса. В то время я познакомился со знаменитыми поэтами нашей родины, а что до иностранных языков, то необходимость их изучения я осознал лишь тогда, когда заметил, что книги на родном языке перестали быть для меня интересными, поскольку уже не несли полезной информации. Сейчас мне двадцать восемь, однако невежества у меня, пожалуй, побольше, чем у многих пятнадцатилетних школьников. Правда и то, что я многое обдумал, и мечты мои обширны и величественны, однако им не хватает того, что художники называют СОДЕРЖАНИЕМ; вот поэтому мне и нужен друг, в котором бы было достаточно человечности, чтобы не презирать меня за романтичность, и любви ко мне — чтобы правильно оценивать мои помыслы. Понятно, что жалобы мои бессмысленны и что друга такого я не найду ни на широких океанских просторах, ни даже здесь, в Архангельске, среди купцов и моряков. Надо признать, что некоторые чувства, несвойственные таким животным в человеческом образе, теплятся даже в этих грубых и суровых сердцах. Взять, к примеру, моего помощника. Это удивительно мужественный и

инициативный человек. Он безумно тщеславен, а точнее, устремлен к профессиональному росту и продвижению. Он англичанин и вместе с типичными для англичан и для его профессии предрассудками, которые не смягчило образование, сохраняет некоторые, дарованные ему природой благороднейшие черты человечности. Познакомился я с ним на китобойном судне и, когда узнал, что он в этом городе не имеет работы, легко уговорил его служить помощником в моем предприятии. Этот помощник отличается превосходными манерами и характером с мягким отношением к дисциплине. На эту особенность в дополнение к его хорошо известным прямоте и бесстрашию я обратил внимание в первую очередь, когда нанимал его. Моя уединенная юность и лучшие годы, прошедшие под твоим нежным женским воспитанием, сделали мой характер настолько утонченным, что я не могу побороть свое неприятие грубого обращения с людьми, ставшего привычным на кораблях. Я никогда не считал эту грубость необходимым условием для обеспечения дисциплины на корабле, и когда я узнал о моряке, известном одновременно мягкостью своего сердца и уважением, которым он пользуется у команды, я понял, что мне очень повезло взять на службу такого помощника. Впервые я о нем услышал от одной дамы, которую он сделал счастливой. Расскажу вкратце эту довольно романтическую историю. Несколько лет назад он встретил и полюбил русскую девушку из семьи со средним достатком. Для выкупа он скопил солидную сумму денег, за которые отец девушки согласился отдать ее замуж. До церемонии венчания он виделся со своей желанной лишь один раз, и когда они встретились, она вся в слезах бросилась ему в ноги, умоляя пощадить ее, потому что она любит другого, а отец ни за что не согласится на их брак, потому что этот человек беден. Наш великодушный герой успокоил девушку и, попросив назвать ему имя ее возлюбленного, тут же отказался от своих притязаний. К этому моменту он уже купил за свои деньги дом с хозяйством в деревне, где он собирался провести остаток своей жизни, однако в связи с таким поворотом дел решил все это, вместе с остатком выкупных денег для приобретения скота, даровать своему сопернику. После этого он упросил отца девушки дать согласие на ее брак с возлюбленным. Однако старик решительно воспротивился, поскольку считал себя связанным обязательством чести с нашим джентльменом. Последний же, видя такую неумолимость отца, покинул эту страну и не возвращался сюда до тех пор, пока не узнал, что его бывшая возлюбленная вышла замуж за того, кого она хотела. «Какой благородный человек!» — я уже слышу твое восклицание. Однако напомним: у него нет никакого образования, в общении он словно немой, и его всюду сопровождают невежество и неаккуратность. Все это в его поведении еще более удивляет, хотя и снижает интерес и симпатию к нему, которых он вполне заслуживает.

Однако не думай, что если я жалуясь на мой тяжелый труд или ищу сочувствия (которого я, возможно, никогда не получу), то я колеблюсь в своей решимости. Отнюдь! Решимость моя также тверда, как predetermined жребий, а моя экспедиция задерживается лишь погодой, и как только она позволит, мы немедленно отплывем. Зима была необычайно суровой, но весна обещает вот-вот войти в полную силу. Так что мы, возможно, отплывем раньше, чем я ожидал. Спешить я не собираюсь; ты меня знаешь достаточно хорошо, чтобы верить в мою осторожность и, особенно, когда я отвечаю за других людей.

Очень сложно описать чувства, которые я испытываю накануне начала моей экспедиции. Невозможно передать и охватывающий меня при этом трепет, с которым я готовлюсь к отплытию; это ощущение радости и в то же время тревоги. Я собираюсь в неисследованные районы, в «край туманов и снегов», но я не убью ни одного альбатроса; так что не волнуйся за мою безопасность или за то, что я вернусь к тебе измученным и несчастным, как «Старый мореход». Знаю, что ты улыбнешься, прочитав такое сравнение, поэтому открою тебе один секрет. Я часто объяснял свою привязанность или даже восторженную страсть к полному таинственной опасности океану влиянием на меня этого произведения одного из наиболее одаренных богатым воображением современных поэтов. В моей душе творится что-то такое, чего я не понимаю. При осуществлении своих проектов я с одной стороны действую как человек трудолюбивый, усердный и настойчивый, а с другой — испытываю тягу к чудесам и верю в них; сверхъестественное и невероятное вплетается во все мои планы, торопит и выталкивает меня из привычных для человека путей в бурное море и неизведанные края для их изучения.

С твоего позволения вернусь к более важному для меня вопросу. Встретимся ли мы снова? Ведь мне предстоит пересечь лежащие передо мной необъятные моря и через самый южный мыс Африки или Америки вернуться на родину. Это было бы прекрасно! Однако боюсь загадывать наперед и не могу заглянуть на обратную сторону картины. Во всяком случае, не прекращай высылать мне письма при любой представившейся возможности — ведь они могут найти меня и быть наилучшим средством для поднятия моего духа. Я нежно люблю тебя. Вспоминай и ты меня с любовью, даже если никогда больше обо мне не услышишь.

Твой брат, Роберт Уолтон

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

7 июля 17- г.

Вручить: Миссис Сэвилл, Англия

С неожиданной оказией решил написать тебе несколько строк чтобы сообщить, что я здоров, и экспедиция моя успешно продвигается вперед. Это письмо привезет в Англию купеческое судно, которое сейчас находится уже где-то в пути из Архангельска; они, наверное, более счастливы, чем мы, кто не увидит родной земли, возможно, еще много лет. Однако настроение у меня прекрасное; мои люди полны смелости и демонстрируют твердость своего намерения двигаться к намеченной цели, несмотря на льдины, проплывающие одна за другой мимо нашего корабля и свидетельствующие об опасностях, которые ожидают нас впереди. Мы уже доплыли до очень высокой широты, однако сейчас разгар лета и, хотя здесь не так тепло, как в Англии, южные ветра, что быстро гонят нас к желанным берегам, довольно ощутимо согревают нас, на что я совсем не рассчитывал.

Ничего интересного для сообщения в письме пока не было. Два или три раза дул сильный ветер да латали вдруг появившуюся течь — события, ординарные для любого плавания и вряд ли достойны упоминания. И я был бы вполне удовлетворен, если бы ничего худшего с нами не случилось.

До свидания, моя дорогая Маргарет. Могу тебя заверить, что во имя сохранения как моего, так и твоего благополучия, я не буду необдуманно подвергать себя опасности. Я буду сохранять холодным ум, буду стоек и осторожен.

Но мои старания непременно увенчаются УСПЕХОМ! Мы прошли уже большое расстояние, проложив, таким образом, безопасный путь через непроходимые моря; и свидетелями этой моей победы явились сами звезды. Я намерен продолжать и далее обуздывать еще непокоренную стихию. Что может остановить непреклонный дух и твердую волю человека?

Мое сердце невольно освобождается таким образом от переполняющих его чувств. Но мне пора заканчивать.

Да благословит тебя Господь, моя любимая сестра!

Р. Уолтон

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

5 августа 17- г.

Вручить: Миссис Сэвилл, Англия

У нас на корабле произошел такой странный случай, который я не могу не описать, хотя очень возможно, что мы увидимся прежде, чем ты получишь это письмо.

В последний понедельник (31 июля) нас со всех сторон окружил лед, приблизившись к самому кораблю и оставив свободной узкую полосу, едва достаточную для того, чтобы можно было плыть. Сложилась опасная ситуация, усложнившаяся еще и тем, что вокруг нас опустился очень густой туман. В связи с этим мы легли в дрейф в надежде на то, что в атмосфере и погоде произойдут какие-нибудь изменения.

Приблизительно в два часа туман рассеялся, и мы поняли, что находимся посреди бесконечного ледяного поля с бугристой поверхностью. Кто-то из матросов при виде этого поля простонал, а я, забеспокоившись, насторожился. Вдруг, приглядываясь вдаль, мы в полумиле от нас заметили на льду какой-то странный предмет, который привлек все наше внимание, и мы, забыв про нашу собственную плачевную ситуацию, принялись рассматривать его в телескоп. Это оказались низкие, запряженные собаками сани со стоявшим за ними погонщиком гигантского роста. Сани быстро двигались на север и скоро пропали из виду, скрывшись за неровностями льда. Эта картина вызвала у нас немалое удивление. Мы считали, что находимся в сотнях миль от ближайшей земли, а то, что мы увидели, показывало, что в действительности расстояние до земли не так велико. Однако, обложенные льдами, мы не могли пойти по оставленному санями следу. Спустя два часа после этого мы услышали волнение моря, и ближе к ночи лед раскололся, освободив наш корабль. Но мы оставались в дрейфе до самого утра, так как боялись в темноте наскочить на большие отколовшиеся куски льда, которые плавали рядом. Я использовал эти несколько часов для отдыха.

Утром, как только стало светло, я вышел на палубу. Там происходило что-то необычное: все матросы собрались у одного борта корабля и разговаривали с кем-то, кто был за бортом. Подойдя к ним, я увидел такие же, как накануне, сани; их ночью прибило к нам на большой льдине. Из упряжки саней в живых осталась только одна собака, а в санях находился человек, которого матросы уговаривали подняться на корабль. В отличие от предыдущего путника он был похож не на полудикого аборигена какой-нибудь из неизвестных близлежащих земель, а на настоящего

европейца. Когда я подошел, мой помощник сказал путнику:

— Это наш капитан, и он не позволит вам погибнуть в открытом море.

Увидев меня, путник обратился ко мне на английском языке с небольшим акцентом:

— Прежде чем подняться на борт, я хотел бы знать, куда направляется ваше судно?

Можешь представить себе, дорогая Маргарет, моё удивление, когда я слышу такое заявление от находящегося на краю гибели человека, которому я предлагаю спастись на моем судне, и это предложение является единственной для него возможностью спасти свою жизнь — самое большое сокровище в мире. Тем не менее, скрывая улыбку, я ответил, что мы совершаем исследовательскую экспедицию к северному полюсу.

Услышав мой ответ, путник согласился подняться на борт. Боже мой, Маргарет! Если бы ты видела человека, капитулировавшего таким образом во имя своего спасения, то была бы поражена: конечности его были почти отморожены, а тело ужасно истощено усталостью и невзгодами. Я никогда прежде не видел людей в таком плачевном состоянии. Сначала мы внесли его в каюту — однако там, без свежего воздуха, он тут же потерял сознание. Тогда мы вернули его на палубу и принялись приводить в чувство растиранием бренди. Когда у него появилось сознание, мы дали ему немного выпить бренди и, укутав в одеяла, уложили у вытяжной трубы кухонной плиты. Там он постепенно восстановился и поел немного супу, который повлиял на него самым чудесным образом.

Речь у него восстановилась только через два дня пребывания в таком состоянии, и в ожидании этого момента я начал уже было опасаться, что пережитое лишит его рассудка. Когда он почувствовал себя более или менее нормально, я перевел его в свою каюту и ухаживал за ним все время, свободное от основных обязанностей. Я никогда еще не видел настолько интересных людей. В общении глаза его обычно горят какой-то дикостью или даже безумием, но если к нему обращаются с добром или же делают какую-нибудь, пусть даже пустяшную, услугу, лицо его озаряется необыкновенным светом благожелательности и счастья. И все же обычно он пребывает в меланхолии и отрешении от всего окружающего. А иногда он скрежещет зубами, как будто на него давит невыносимое горе.

Когда здоровье моего гостя немного наладилось, у меня появились проблемы с тем, чтобы удерживать людей от визитов к нему и утомления его тысячами вопросов. Я не позволял тревожить его ради пустого любопытства, поскольку восстановление его тела и души, совершенно очевидно, зависит от полноты его отдыха. Тем не менее однажды мой помощник спросил нашего подопечного о том, что заставило его заехать по льду так далеко на таком неподходящем для дальних странствий средстве передвижения.

Лицо больного тут же приняло мрачное выражение, и он ответил:

— Мне нужно было найти одного человека, который от меня убежал.

— А этот беглец, которого вы преследовали, тоже ехал на санях?

— Да.

— Тогда думаю, что мы его видели, поскольку за день до того, как вас подняли на борт, мимо нас проезжал человек на санях с собаками.

При этом сообщении путник встрепенулся и стал задавать массу вопросов о пути, которым ехал этот «демон» (так он его называл), а когда мы остались одни, он сказал:

— Я несомненно возбудил любопытство у вас и ваших славных ребят; но вы, как видно, слишком деликатны, чтобы задавать вопросы.

— Да, вы правы; действительно, я считаю, что с моей стороны было бы очень неуместно и негуманно беспокоить вас своей любознательностью, — ответил я.

— Но вы великодушно спасли меня от верной гибели и вернули меня к жизни, — благодарно заявил путник.

Вскоре после этого разговора он поинтересовался, считаю ли я, что разламывание льда, которое произошло в тот злосчастный день, погубило и те другие сани вместе с их погонщиком. Я ответил, что полной уверенности у меня нет, поскольку разрушение льда произошло лишь к полуночи, и сани к этому времени могли быть уже в безопасном месте, что я тоже могу только предполагать. С этого момента выздоровлению нашего путника словно стали помогать неведомые животворящие силы. Больной стал все чаще проявлять горячее желание выходить на палубу и вглядываться вдаль, высматривая исчезнувшие сани. Однако я убедил его оставаться пока в каюте и не подвергать свой ослабший организм воздействию холодного и влажного воздуха. При этом я пообещал, что поручу смотрящим незамедлительно сообщать ему о появлении в поле зрения любого нового предмета.

Ниже я привожу записи из моего журнала, которые касаются нашего путника вплоть до сегодняшнего дня. Здоровье путника постепенно улучшилось. Однако он остается молчаливым и чувствует себя неловко, когда кто-то, кроме меня, заходит в каюту. При этом он ведет себя настолько дружелюбно и приветливо, что все моряки тянутся к нему, даже если общались с ним совсем недолго. Я же полюбил его, как брата, и не покидающая его глубокая печаль вызывает у меня большое сострадание и жалость. Он, с очевидностью, имеет благородное происхождение, которое даже в таком, морально и физически разбитом положении не позволяет ему терять своего лица и привлекательности. Дорогая Маргарет, помнишь, в одном из своих писем я писал о невозможности

найти себе друга на океанских просторах? Так вот, я нашел человека, с которым был бы счастлив подружиться, как с родным братом, если, конечно, его дух не будет сломлен постигнувшим его несчастьем.

В последующем я продолжу записывать в журнал все стоящее внимания об этом человеке.

Запись от 13 августа 17- г.

Моя привязанность к гостю растет с каждым днем. Он вызывает во мне одновременно огромное восхищение и невероятную жалость. Я не могу смотреть на столь благородного, но измученного страданиями, человека, не испытывая вместе с ним горькой печали. Он великодушен и мудр; о высокой культуре его ума свидетельствует беспримерное красноречие, наполненное тщательно подобранными словами и изысканными выражениями, которые льются, кажется, сами собой, гладким и непрерывным потоком. К настоящему времени здоровье его уже заметно поправилось. Он постоянно находится на палубе и, кажется, всматривается в окружающие нас необъятные просторы в надежде увидеть сани своего предшественника. Несмотря на свои несчастья, он не столь сильно ими озабочен, чтобы быть безучастным к окружающим людям. В наших частных беседах мы часто говорим о моих планах, которые я раскрываю перед ним во всех подробностях. Он внимательно выслушивает все мои аргументы в пользу достижения успеха и анализирует все мельчайшие детали мер, принятых мною для их обеспечения. Мне очень понравилось продемонстрированное им взаимопонимание, и я своим открытым, исходящим от сердца языком, в выражениях пылающей души и со всей сжигающей меня страстью говорил о том, с какой радостью я пожертвую всем своим состоянием, существованием и всеми своими надеждами ради осуществления задуманного мною предприятия. Жизнь одного человека была бы не большой ценой за те знания, которые я задумал добыть, за власть над стихией — противником рода человеческого, которую я хочу получить и передать людям. Пока я говорил, лицо моего слушателя заметно помрачнело. Вначале я заметил, что он пытается подавить свои эмоции; он закрыл ладонями глаза, и я заметил, что между его пальцами текут слезы. Мой голос задрожал и отказал мне. Из его вздрагивающей груди вырвался стон. Я замолчал. Спустя некоторое время он заговорил. Речь его то и дело прерывалась эмоциональными вздохами.

— Несчастный! Вы собираетесь повторить мое безумие? Вы тоже выпили отравленного снадобья амбиций и жажды славы? Послушайте меня. Я расскажу вам свою историю, и вы не станете пить из этой чаши!

Можешь себе представить, дорогая Маргарет, какой большой интерес вызвали у меня эти слова! Однако эмоции, охватившие моего, еще слабого подопечного, отобрали у него слишком много сил, и нам для восстановления его состояния пришлось на несколько часов перевести беседу в более спокойное русло. Когда путник возобновил контроль над своими чувствами, у него на лице появилось такое выражение, будто он извинялся и презирал себя за несдержанность. Окончательно успокоившись, он вновь настроил меня на откровенный лад и попросил рассказать о себе в юношеском возрасте. Мой недолгий рассказ вызвал у нас целую цепь обсуждений. Я говорил о своем страстном желании найти друга, с каким бы у меня было полное взаимопонимание и каким до сих пор судьба меня не наградила, и выразил свою убежденность в том, что человек, лишенный такого блага, не может чувствовать себя абсолютно счастливым.

— Я согласен с вами, — сказал путник. — Каждый из нас является существом несовершенным и нуждается в ком-то, более мудром, лучшем и более милом, чем мы сами, то есть — в друге, который поможет сделать нас более совершенными и устранить наши изъяны. Когда-то у меня был друг, благороднейший человек, что дает мне право судить о дружбе. Вы — другое дело: у вас есть надежда, перед вами открыт весь мир, и у вас нет причин для отчаяния. Я же потерял все, и начать новую жизнь уже не могу.

С этими словами лицо путника приняло выражение спокойной, неизгладимой печали. Это тронуло меня до глубины души. Ничего больше не говоря, он встал и удалился в свою каюту.

Даже надломленный духом, он, как никто, может глубоко чувствовать красоту окружающей природы. Звездное небо, морская гладь и любые другие дышащие красотой и великолепием виды северного края, кажется, захватывают его, отрывают от земли и уносят куда-то в небеса. Существование такого человека, очевидно, раздваивается: с одной стороны он может испытывать страдания и быть подавленным разочарованием, а с другой — уйдя в себя, он будет, подобно небесному духу, окружен сияющим ореолом, внутрь которого никакая печаль попасть не сможет.

Не знаю, будешь ли ты улыбаться при чтении этих строк? Они выдают мой восторг по отношению к нашему удивительному гостю. Нет конечно, не будешь, если его увидишь. Твое обучение и развитие прошло на книгах и ты имела возможность уединиться от общества; именно поэтому натура твоя стала утонченной, и ты способна по настоящему оценить экстраординарные достоинства этого удивительного человека. Порой я пытался понять то, каким качеством он обладает, позволяющим ему стоять так неизмеримо высоко над другими известными мне людьми.

Думаю, что это качество заключено в его интуитивной проницательности, способности быстро и безошибочно делать выводы, непревзойденная по ясности и точности способность проникать в суть вещей. Для полноты картины к этому следует добавь легкость выражения мыслей и голос с меняющейся интонацией, звучащий, словно заворачивающая музыка.

Запись от 19 августа 17- г.

Вчера путник обратился ко мне с такими словами.

— Наверное, нетрудно догадаться, капитан Уолтон, что меня постигли страшные несчастья. Однажды я твердо решил, что не должен никому о них рассказывать и что память о них должна уйти в могилу вместе со мной. Однако встреча с вами заставила меня изменить свое решение. Как и у меня когда-то, вашей целью является поиск знаний и мудрости. И я горячо надеюсь, что наградой вашим трудам не окажется падение в пропасть зла и отчаяния, в какую в свое время попал я. Рассказ о моих злоключениях может не оказаться для вас полезным, но если принять во внимание, что вы идете тем же путем, каким когда-то шел я, и подвергаете себя тем же опасностям, которые превратили меня в то, чем я есть сейчас, то приходит мысль о надежде, что вы сможете извлечь из моей истории некое наставление, которым вы будете руководствоваться им в случае достижения успеха в своем предприятии и которое сможет вас утешить в случае неудачи. Приготовьтесь слушать рассказ о приключениях, какие в обычной обстановке могли бы показаться невероятными чудесами. Если бы нас окружали более привычные, окультуренные ландшафты, то я бы мог опасаться встретить в ваших глазах недоверие и даже, возможно, насмешку. Но в этих диких, полных таинствами краях, может появиться всякое, что вызывало бы смех лишь у тех, кто не знаком с вечно меняющимися силами природы; нет у меня сомнений и в том, что свидетельством истинности моей повести является сама последовательность событий, из которых она состоит.

Ты только представь, дорогая Маргарет, как я обрадован такому предложению нашего гостя! Но при этом я обеспокоен тем, что, ведя повествование, ему придется вновь переживать все свои беды. Я с огромным нетерпением ожидаю его рассказа частью из любопытства, а частью от сильного желания облегчить его судьбу, если это будет в моих силах. В своем ответе ему я упомянул об этом моем беспокойстве, на что он сказал:

— Благодарю вас за сочувствие, но поверьте — от него мало пользы тому, жизненный путь которого близится к концу. Мне нужно решить всего лишь один вопрос. После этого я смогу спокойно почить с миром. Я понимаю ваши переживания. Но вы ошибаетесь, — продолжил он, заметив, что я хочу прервать его, — друг мой (если позволите так вас называть), — не существует ничего, что могло бы изменить мою судьбу. Послушайте мою историю, и вы поймете всю ее предрешённость.

Затем он сообщил, что начнет свой рассказ на следующий день, когда я буду отдыхать от своих капитанских дел. В ответ я только высказал свою горячую благодарность. Я решил, что каждый вечер, когда не буду очень занят корабельными обязанностями, записывать как можно ближе к его словам все, что он расскажет в течение дня. В случае же большой занятости я буду, по меньшей мере, делать заметки. Чтение этой рукописи, без сомнения, доставит тебе огромное удовольствие. Для меня же, услышавшего эту повесть из уст самого рассказчика, будет чрезвычайно интересно прочитать рукопись спустя некоторое время после ее написания. Даже сейчас, приступая к этому делу, у меня в ушах стоит его густой баритон, а перед собою вижу мягкий, грустный взгляд его глаз. Вижу также его поднятые в жестикуляции худые руки, и тонкие черты лица, как будто излучающие свет его души.

Необычной и полной горестных переживаний должна быть его история, описанием страшного шторма, захватившего идущий своим курсом отважный корабль и разбившего его в щепы!

ГЛАВА 1

Я родился в семье коренных граждан Женевы и ношу одну из наиболее известных в этом городе фамилий. Мои предки долгие годы занимали посты советников и синдиков, а мой отец прошел через несколько публичных должностей, где правил честно и заслужил высокую репутацию. Он был уважаем всеми, кто его знал, за его целостный и прямой характер, а также неутомимое внимание к социальным проблемам. Свои молодые годы отец целиком посвятил делам города, а устройство личной жизни всякий раз откладывал, объясняя это многочисленными обстоятельствами, не позволявшими ему своевременно жениться. Таким образом, мужем и отцом семейства он стал только на склоне лет.

История, которая привела его к женитьбе, требует особого внимания, поскольку в ней характер отца проявляется особенно ярко. Началась она с того, что его закадычный друг по имени Бофорт, некогда знатный и богатый торговец, в результате ряда постигших его неудач полностью разорился. Однако гордость и

несгибаемая воля не позволяли ему жить всеми позабытым бедняком, в городе, где прежде он был широко известен своим высоким положением и большим состоянием. По этой причине Бофорт, честно расплатившись по долгам, переехал со своей дочерью в Люцерн, где его никто не знал. Мой отец искренне любил Бофорта, и глубоко огорчился, узнав о его уединенном и нищенском бытии. Он горько сожалел по поводу излишней гордости своего друга, из-за которой тот повел себя так недостойно взаимного чувства привязанности, которое их объединяло. Не теряя времени, он пустился на розыски Бофорта в надежде убедить его начать новую жизнь, в чем отец оказал бы ему финансовую поддержку. Бофорт же искусно скрывал место своего пребывания, и отцу на то, чтобы отыскать его, понадобилось десять месяцев. Наконец, обнаружив его, отец несказанно обрадовался и поспешил к дому друга, расположенному на захудалой улочке вблизи Реюса. Но, войдя в его жилище, он встретил лишь крайнюю бедность и безысходность. Бофорту от рухнувшего состояния осталось совсем немного денег, каких ему хватило лишь на то, чтобы продержаться на плаву несколько месяцев, в течение которых он надеялся найти какую-нибудь приличную работу в торговом доме. Однако это время было потрачено впустую. В результате — от бездействия чувство подавленности и отчаяния овладело им еще больше, и через три месяца он окончательно слег в постель, неспособный более ни на какие усилия.

Его дочь, Каролина Бофорт, преданно и с максимальной заботой ухаживала за ним. Когда она увидела, что их денежные ресурсы быстро пошли на убыль и что помощи ожидать было неоткуда, она сама взялась за спасение отца и себя. Обладая недюжинным характером и предприимчивостью, которые в этих бедственных условиях окрепли еще больше, Каролина взялась за простое шитье, изготавливала поделки из плетеной соломы и изыскивала другие, самые различные способы заработать на кусок хлеба.

Так они прожили несколько месяцев. Отцу стало хуже. Каролина все больше времени тратила на уход за ним; средства к существованию уменьшались с катастрофической быстротой, и на десятый месяц отец умер у нее на руках, оставив ее нищей сиротой. Последний удар ее судьбы был самым сильным. Вся в слезах она упала на колени перед гробом Бофорта... В этом отчаянии и увидел Каролину вошедший в комнату мой отец. Для бедной девушки он стал ангелом-хранителем, защите которого она полностью доверилась. После похорон друга отец отвез Каролину в Женеву и оставил под опекой своих родственников. Через два года после этого события Каролина вышла за него замуж.

Разница в возрасте у моих родителей была довольно большой. Однако это, на мой взгляд, только еще больше сближало их любящие сердца. Прямолинейный и справедливый по характеру, мой отец никогда не сомневался в том, что большая любовь должна ярко проявлять себя. Должно быть, когда-то он больно пережил от того, что его избранница оказалась недостойной его любви, и поэтому большое значение придавал испытаниям своих чувств. В его любви к моей матери проявлялись очевидные чувства благодарности и поклонения. И их никоим образом нельзя было принять за возрастную самоотверженную влюбчивость, поскольку рождены они были, с одной стороны, его глубоким преклонением перед ее целомудрием, а с другой — его горячим желанием хоть в какой-то мере компенсировать ей те страдания, какие она испытала, но какие придали невыразимое благоволение в его отношении к ней. Ее желания и потребности были главными предметами его внимания. Он оберегал ее, как садовник оберегает свое экзотическое растение от любого опасного ветерка, и окружал ее всем, что могло бы вызвать положительные эмоции в ее нежной, благословенной душе. Ее здоровье и всегда умиротворенный, спокойный дух были подорваны катастрофическими событиями, через которые ей довелось пройти. В течение двух лет, которые предшествовали их женитьбе, отец постепенно освободился от своих социальных обязанностей, и сразу после заключения брака они решили, что путешествие по Италии — стране с целебным климатом, чудесными пейзажами и каскадами удовольствий — будет лучшим способом восстановить ее ослабевшее здоровье.

Из Италии они отправились в Германию, а затем — во Францию. Я родился в Неаполе, и меня, своего первенца, они повсюду возили с собой. Их единственным ребенком я пробыл еще несколько лет. При всем том количестве внимания, которое они отдавали друг к другу, у них сохранялся неисчерпаемый запас любви и к своему чаду. Первое, что я вспоминаю из своего детства — это нежные ласки моей матери и бесконечно добрая улыбка моего отца. Я был их обожаемой забавой, их кумиром, ниспосланным им небесами невинным, беспомощным младенцем, и от них зависела судьба их ребенка — добрая и счастливая или несчастная. Можно представить себе, с каким чувством этом глубокой осознанности своих обязанностей по отношению к существу, которому они подарили жизнь, вместе с идущим от обоих активным духом нежности, они ежечасно давали мне уроки терпения, милосердия и самоконтроля таким образом, как будто держали меня на шелковой, абсолютно неощутимой привязи, а все мое воспитание казалось мне сплошной чередой радостных событий. Еще долгое время я оставался их единственным отпрыском и предметом забот, хотя у моей матери зрело большое желание иметь дочь. Помню — когда мне было уже лет пять, мои родители, совершая путешествие за пределами Италии, провели неделю на берегах озера Комо. Благоприятное отношение к бедным часто приводило родителей к их убогим жилищам. Для моей матери такие визиты были больше чем

просто долг — они были для нее необходимостью, стремлением души послужить, в свою очередь, ангелом-хранителем для нуждающихся подобно тому, как когда-то была спасена она сама. Совершая как-то одну из таких прогулок, они обратили внимание на затерявшуюся в складках долины особенно бедную и запущенную хижину. Возле хижины крутилось несколько полуголых ребятишек, вид которых вместе со всем остальным свидетельствовал о крайней нужде живущих там людей. Некоторое время спустя, когда отец уехал по своим делам в Милан, мама, взяв меня с собой, решила посетить эту семью. Подойдя к хижине, мы увидели сгорбленных под тяжестью трудов и забот крестьянина и его жену, которые раздавали скудные порции еды пятерым голодным ребятишкам. Среди детей внимание моей матери сразу же привлекла одна девочка, которая своей внешностью очень заметно отличалась от остальных и казалась существом из другого мира. Остальные четыре ребенка были маленькими, крепкими черноглазыми сорванцами, в то время как эта девочка была тонкой, нежной и очень красивой. Переливавшие золотом светлые волосы девочки казались короной на ее голове, несмотря на бедную одежду, в которую она была одета. У нее было широкое открытое чело, ясные синие глаза, а форма губ и лица отливали такой чувственностью и свежестью, что нельзя было не увидеть в их обладательнице существо другой породы, ниспосланное небесами и несущее ангельскую суть во всех ее чертах. Крестьянка, заметив изумление моей матери, наблюдавшей за девочкой восхищенным взглядом, не преминула тут же рассказать ее историю. Девочка была не их ребенком. Она была дочерью одного миланского дворянина. Мать девочки была немкой, и умерла во время родов. Ребенка отдали выкормить грудью этим добрым людям; они в то время были более состоятельными. Они долго не женились, а их старший сын только что родился. Отец их воспитанницы относился к тем итальянцам, которые с молоком матери впитали в себя память о былой славе их страны. Он был одним из *schiavi ognor frementi*¹, посвятивших себя борьбе за свободу своей родины, и стал жертвой ее слабости. Умер ли он или томился где-то в застенках Австрии — было неизвестно. Его собственность была конфискована, а девочка осталась бедной сироткой. Она росла у своих приемных родителей и расцветала в их убогом жилище, словно садовая роза среди темнолистой ежевики. Когда отец вернулся из Милана, он в гостиной нашей виллы увидел играющего со мной ребенка красивее ангелочка с картины, глаза которого, казалось, излучали свет, а движения были легче, чем у горной серны. Тут же выяснилось, что мама с его разрешения упростила сельских опекунов девочки передать их подопечную ей. Хотя они очень привязались к прелестной сиротке, а присутствие ее в их доме казалось им божьим благословеньем, все же было бы несправедливым и дальше держать ее в бедности и нужде, когда провидение послало ей такую могущественную защиту. Посоветовавшись с сельским священником, они передали сиротку маме. И вот Элизабет Лавенца вошла в дом отца и в нашу семью. Для меня Элизабет стала больше чем сестрой — она стала прекрасным, обожаемым компаньоном всех моих занятий и развлечений.

Элизабет полюбили все. Пылкость и даже благоговение, с которыми все, включая меня, к ней привязывались, я принимал с гордостью и удовлетворением. Вечером накануне того дня, когда Элизабет привезли в наш дом, моя мать в шутку сказала мне:

— У меня есть чудесный подарок для тебя, Виктор; завтра ты его получишь.

На следующий день, когда она представила мне Элизабет как обещанный ею подарок, я со всей детской серьезностью понял ее слова буквально и с тех пор смотрел на Элизабет как на свою собственность, которую я был обязан защищать, любить и лелеять. Все похвалы, обращенные к ней, я воспринимал как похвалы в адрес моей собственности. В общении между собой мы фамильярно называли друг друга кузеном и кузиной. Никаким словом или словами я не могу выразить то, чем она была для меня — моя больше чем сестра, поскольку она должна была быть только моей до самой смерти.

ГЛАВА 2

Разница в возрасте у нас была меньше года, и воспитывали нас вместе. Между нами никогда не возникало каких бы то ни было ссор и даже споров. В наших дружеских отношениях царила полная гармония, а различия и противоположности характеров только сближали друг с другом. Элизабет была более спокойного и уравновешенного склада, в то время как я, хотя и непоседа, обладал способностью быстрее решать задачи и с большей жадностью накапливать знания. Элизабет самозабвенно увлекалась эфемерными творениями поэтов и всю себя погружала в волшебные ландшафты Швейцарии, окружавшие сказочными декорациями наш дом — величественные горы, смены времен года, бурю и спокойствие, зимнее безмолвие и бурлящее жизнью альпийское лето — всем этим она восхищенно наполнялась и наслаждалась.

В отличие от Элизабет, которая с полной серьезностью довольствовалась созерцанием внешнего величия вещей и явлений природы, я находил интерес в исследованиях первопричин, их породивших.

¹ Рабов, вечно ропчущих (итал.)

Окружающий мир был для меня тайной, которую нужно было разгадать. Насколько я помню, наиболее ранними чувствами, которые у меня в связи с этим возникали, были любопытство, желание познать скрытые законы природы, и восторженная радость в тех случаях, когда эти законы поддавались моему пониманию.

Когда мне было семь лет, родился мой младший брат, и родители, отказавшись от своей кочевой жизни, окончательно поселились в родном городе. У нас был дом в Женеве и загородный дом на западном берегу озера Бельрив, километрах в шести от города. Жили мы преимущественно в этом загородном доме, поскольку родители предпочитали уединение. Я тоже избегал больших компаний и горячо привязывался лишь к нескольким друзьям. В школе, в целом меня никто из сотоварищей не интересовал, кроме одного из них, Генри Клерваля, с которым у меня завязалась крепкая дружба. Генри бы сыном женевского купца. Среди других он отличался особыми дарованиями и богатой фантазией. Любил предпринимать, преодолевать всяческие трудности и даже опасности, хотя и без особой на то нужды. Был хорошо начитан в рыцарских и любовных романах. Складывал героические песни и множество раз принимался за написание рассказов о магических и рыцарских приключениях. Нас он заставлял играть в пьесах, облачаясь в костюмы героев Ронсевалья, Рыцарей Круглого стола Короля Артура или рыцарей, шедших в караванах проливать свою кровь за освобождение Гроба Господня из рук неверных.

Такого счастливого детства, как у меня, не было, наверное, ни у кого. Моих родителей сама природа наделила истинным духом доброты и терпимости. Мы чувствовали, что они управляли нашими судьбами не как деспоты, руководствуясь своим капризом, а как посланцы небес, несущие бесконечные радости и удовольствия. Бывая в других семьях, я особенно отчетливо понимал, какой счастливой была моя судьба, и моя благодарность к родителям неуклонно росла.

Иногда меня охватывало сильное волнение и горячее стремление к деятельности. В этих случаях, руководимый каким-то внутренним механизмом, я отдавал свою энергию не детским забавам, а учебе, причем изучал не все без разбора, а выбирал интересующие меня науки. Надо признать, что ни иностранные языки, ни правительственные кодексы, ни политика различных государств не возымели у меня никакого интереса. Моим желанием было раскрывать тайны неба и земли. И занимался ли я внешней сутью вещей, внутренним смыслом природных явлений, или загадочной человеческой душой — во всех случаях я обращался к метафизическому или, в его высшем смысле, физическому объяснению мира.

Клерваль был целиком поглощен, так сказать, этической стороной вещей. Его поприще исследований включало общественную жизнь, добродетели героев и поступки людей, а его мечтой было стать одним из тех, имена которых запечатлены историей как смелых и доблестных благодетелей и защитников людей. Непорочная душа Элизабет освящала наше мирное жилище подобно лампаде у святыни. Любая ее симпатия становилась предметом также нашего сочувствия и сострадания; ее улыбка, мягкий голос, нежный взгляд ее неземных глаз несли нам благословение и живили нас; она была животворящим духом любви, умиротворяющим и притягивающим. Я, погруженный в свои занятия, мог становиться грубым, обнаруживать резкость своего характера, и тогда именно она приходила на помощь, утихомиривая меня, вселяя в меня свою собственную мягкость и доброту. А Клерваль — да разве могло бы какое-нибудь зло покуситься на благородный дух Клерваля?! Но и он не смог бы, рядом со своим рвением к безрассудно смелым деяниям, быть таким абсолютно человечным, таким глубокомысленным в своем благородстве, таким полным доброты и нежности, если бы она не раскрыла ему тайну действительной красоты милосердия и не сделала добрые деяния конечной целью его грандиозных амбиций.

Я испытываю несказанное удовольствие, когда перебираю в памяти события моего детства и молодости до того момента, когда в результате навалившихся на меня несчастий светлые видения моей возрастающей полезности для мира и человечества сменились мрачными мыслями, сосредоточенными на самом себе. Кроме того, представляя картины моего раннего детства, я останавливаюсь также на событиях, которые незаметными шажками привели к плачевному завершению наивной сказки моим полным крушением. При этом я прихожу к выводу, что я сам виноват за возникновение той страсти, которая впоследствии управляла моей судьбой и подобно горной реке, начинавшейся из едва заметных ручейков, поднялась и превратилась в неуправляемый поток, сметавший на своем пути все мои надежды и радости. Рулевым моей судьбы стала натурфилософия. В связи с этим я хочу в своем повествовании описать те факты, которые предопределили мой выбор этой науки. Когда мне было тринадцать лет, мы всей семьей выбрались отдохнуть в купальнях вблизи Тонона. Испортившаяся погода продержала нас целый день в гостинице. Там мне случилось найти томик работ Корнелия Агриппы. Я нехотя открыл его и стал читать. Теория, которую он описывал, и факты, которые чудесным образом ее подтверждали, не замедлили изменить мое поначалу ленивое недоверие на горячий энтузиазм. Мне показалось, что меня осенил новый свет и я, радостный, бегом помчался к отцу чтобы сообщить ему о своей находке. Отец, бегло взглянув на титульную страницу книги, сказал:

— А, Корнелий Агриппа! Дорогой мой Виктор, не советую тратить свое драгоценное время на эту чепуху.

Если бы вместо этого краткого совета отец задался трудом объяснить мне, что принципы Агриппы были

полностью опровергнуты и что была принята современная научная система знаний, которая обладает намного большими возможностями, чем старая, поскольку сила старой системы химерна, в то время как новая дает реальный практический результат, то я, наверное, отбросил бы «Агриппу» в сторону и удовлетворил бы свое разгоряченное воображение тем, что с прежним энтузиазмом вернулся бы к своим прежним занятиям. Вполне возможно даже, что в таком случае ход моих мыслей не получил бы фатального толчка, приведшего к моему крушению. Однако беглый взгляд, который отец бросил на злополучную книгу, с совершенной однозначностью убедил меня в том, что он не был знаком с содержанием книги, и я продолжил ее читать с огромным увлечением. Когда мы из этой поездки вернулись домой, первое, что я поспешил сделать — это достать все работы Агриппы, а затем Парацельса и Альберта Великого. Я с упоением прочел и изучил фантастические писания этих ученых. Мне казалось тогда, что я один из немногих, кто был посвящен в эти сокровищницы знаний. Еще раз повторяю — я всегда был пропитан жгучей страстью проникнуть в тайны природы. Несмотря на мой интенсивный труд и познание мной поразительных открытий современных ученых, я никогда не испытывал удовлетворения от своих занятий и всегда заканчивал их с чувством недовольства. Исаак Ньютон, говорят, признавался, что он сравнивал себя с ребенком, собирающим раковины на берегу огромного и неисследованного океана истины. Все его последователи в любой ветви натурфилософии, с работами которых я ознакомился, даже с моей, мальчишеской, точки зрения были новичками, слепо идущими по тому же пути.

Необразованный крестьянин, наблюдая за окружающей природой, познает практическую ценность ее явлений, а самый образованный ученый знает о них ненамного больше. Ученому удастся лишь приоткрыть завесу над тайнами Природы, в то время как полностью ее лик остается для нас закрытым. Ученый может вскрывать тело человека, изучать его анатомию и давать названия его органам, однако, не говоря уже о первичных причинах, для него абсолютно неизвестными остаются даже вторичные и третичные причины жизни. Глядя на все те фортификации и преграды, из которых природа создала неприступную для человека цитадель на пути к познанию ее тайн, я в своем невежестве взбунтовался.

Но я знал о людях, которые проникли на этом пути глубже и знали об этом больше, и в моем распоряжении были написанные ими книги. И я поверил их слову, и стал их верным последователем. Может показаться странным, что такое может случиться в восемнадцатом столетии. Однако надо учесть, что, наряду с обычным образованием в женеvских школах, я по своим любимым наукам прошел неслабый курс самообразования. Отец мой не питал страсти к наукам, и мне как в детстве, так и в студентах пришлось самому восполнять свои пробелы в науках. Будучи послушным учеником своих новых наставников, я с величайшим усердием принялся за изыскания философского камня и эликсира жизни. При этом последний объект очень скоро полностью захватил мое внимание. На богатство и достаток я не смотрел как на основную цель жизни; однако слава, которая бы могла меня ожидать — сделай я открытие, принесшее человеку избавление от болезней и неуязвимость к чему бы то ни было, кроме насильственной смерти — меня манила. Кроме того, мои вождельные видения обращались также к многообещающему вызыванию духов и нечистой силы, согласие на что великодушно давали избранные мною авторы. Однако все мои попытки на этом поприще кончались неудачами, в чем я сетовал исключительно на мою неопытность и никоим образом не сомневался в верности своих поводырей. Таким образом, некоторое время я предавался отвергнутым системам знаний, смешивая друг с другом, как и всякий другой непосвященный, бесчисленное множество противоречивых теорий и отчаянно барахтаясь в псевдонаучном болоте, руководимый своим горячим воображением и детскими умозаключениями, пока случай снова не изменил направление моих идей. Когда мне было уже около пятнадцати лет, мы поехали отдохнуть на нашу виллу вблизи Бельрив, где нам довелось пережить невиданную, ужасную грозу. Она пришла откуда-то из-за гор Юры, и небеса разверзлись страшным громом и молниями одновременно с четырех сторон. Все время, пока длилась гроза, я стоял в открытых дверях и не мог оторвать от нее своих любопытных и восхищенных глаз. Вдруг где-то совсем рядом раздался оглушительный хлопок и одновременно огонь охватил стоявший передо мной, метрах в двадцати от дома старый красивый дуб. Когда огонь погас, дуба уже не было, а на его месте из земли торчал только развалившийся пенёк. На следующее утро, подойдя к этому месту, мы увидели, что дерево было совершенно невероятно расщеплено на тонкие ленточки. Я никогда еще не видел такого полного разрушения.

С природой некоторых общеизвестных проявлений электричества я уже в некоторой мере был знаком. Однако то, что рассказал один известный натурфилософ, наблюдавший вместе с нами грозу, меня поразило невероятно. Этот ученый занимался исследованиями электричества и гальванизма и создал свою теорию этих явлений, и на ее основе объяснил нам то, как произошла напугавшая нас страшная катастрофа. Услышанное мной вмиг затмило все то, что я узнал раньше от своих светил — Корнелия Агриппы, Альберта Великого и Парацельса. К тому же, это фатально оттолкнуло меня от всего того, чем я до сих пор занимался. Мне тогда казалось, что понять вообще ничего невозможно. Все, что так долго привлекало меня, в одно мгновение превратилось в непотребный мусор. Под влиянием одного из тех капризов, которые, возможно, большинству из нас знакомы из нашего раннего юношества, я без раздумий забросил свои прежние занятия, навсегда

оставил натурфилософию и все ее ветви как искривленное и бесплодное творение и проникся величайшим к ней презрением как к лженауке, которой не место даже на пороге реальных знаний. Таким образом, мое возросшее самосознание направило меня к изучению математики и других относящихся к ней областей естествознания, имевших под собою непоколебимый фундамент и потому требующих моего внимания.

Как все-таки странно устроены наши души и какими неизвестными нитями связаны мы с процветанием и с падением в бездну! Когда я вспоминаю те годы, мне кажется, что произошедшая тогда почти загадочная перемена моих интересов и желаний была наущением моего ангела-хранителя, последней попыткой доброго духа избежать предначертанной мне звездами бури, которая уже в то время была готова разрушить меня. Его победа явилась мне в необычайном спокойствии и духовном согласии, последовавшими за моим отказом от прежних, будораживших и буквально мучавших меня занятий. Эта перемена была ниспослана мне, чтобы научить меня замечать и различать проявления зла в несчастии и добра в счастье.

Это был очень сильный посыл доброго духа, но он оказался незамеченным. Судьба моя была слишком сильна, и ее незыблемыми законами было предписано мое полное и ужасное крушение.

ГЛАВА 3

Когда мне наступило семнадцать, родители приняли решение отправить меня учиться в Ингольштадтский университет. До сих пор я учился в женевских школах, однако отец считал нужным пополнить мое образование и познакомиться с жизнью и людьми в других странах. Отъезд мой был намечен на скорую дату, но незадолго до нее судьба принесла мне первое в жизни несчастье — Элизабет заболела скарлатиной. Болезнь была тяжелой и оказалась очень опасной. Мама пыталась за ней ухаживать, но ее, как могли, отговаривали. Поначалу мама уступала нашим уговорам, но, услышав, что жизни ее любимицы грозит опасность, она не могла больше переступить через свое беспокойство и стала ухаживать за Элизабет. В результате болезнь отступила, и Элизабет выздоровела. Однако неосторожность ее спасительницы оказалась роковой для нее, и мама на третий день заболела. У нее сразу же проявились тревожные симптомы, и осмотры врачей прогнозировали худший исход. Мужество и доброта этой лучшей женщины не оставили ее и на смертном ложе. Соединив мою руку с рукой Элизабет, она сказала:

— Дети мои, все мои надежды на счастливое будущее я основывала на перспективе вашего союза. Эти надежды станут теперь утешением для вашего отца. Элизабет, любимая моя, тебе предстоит заменить мать моим младшим детям. О, как не хочу я покидать вас; ведь вы так меня любили и сделали счастливой! Однако негоже мне уходить с такими мыслями. Как и надлежит, я встречу смерть со смирением и надеждой в ином мире вновь увидеть вас.

Мама умерла в полном спокойствии, и на ее лице было отражение любви. Наверное, нет необходимости предаваться здесь чувствам тех, у кого наибольшее из зол безвозвратно отнимает самых дорогих сердцу существ; описывать ту пустоту, что образуется при этом в их душах, и то отчаяние, какое отпечатывается на их лицах. Еще долго мы не могли поверить в то, что та, которую мы видели каждый день, и само существование которой являлось неотъемлемой частью нашего бытия, могла уйти навсегда — что блеск любимых глаз мы никогда больше не увидим, а звук такого родного и дорогого голоса больше не услышим. Такими есть наши мысли в первые дни после смерти. Однако мало-помалу время подтверждает реальность произошедшего, и тогда мы испытываем уже настоящую горечь потери. Да и у кого из нас эта жестокая рука не отнимала самого дорогого? И все мы знаем ту печаль, которая при этом приходит? И вот, наконец, наступает час, когда наша печаль становится скорее данью, чем потребностью; на лицах появляются улыбки, которые не исчезают, хотя мы еще считаем их святотатством. Наша мать умерла, но перед нами стояли обязанности, которые мы должны были продолжать нести; мы должны были продолжать жить, как обычно, вместе с остальными, пока оставался хоть один, кого не постигло несчастье.

Мой отъезд в Ингольштадт, несостоявшийся из-за описанных скорбных событий, был вновь отложен на несколько недель, которые отец дал мне, чтобы прийти в себя. Да и я считал бесчеловечным оставить так поспешно родных, безутешных в своей скорбной печали, чтобы, очертя голову, ринуться в бурную жизнь. Я испытал скорбь впервые в жизни, но от этого она встревожила меня не меньше. Я не хотел терять из виду тех, кто у меня оставался, но прежде всего хотел видеть хоть немного утешенной мою милую Элизабет.

Она же старалась скрывать свою печаль, и утешала всех нас. В ее действиях не чувствовалось каких бы то ни было колебаний, и она выполняла свои обязанности уверенно и старательно. Элизабет целиком посвятила себя тем, кого она считала своими родными — дяде и братьям. Никогда еще у нее не было столько очарования, как тогда, когда на ее лице вновь появилась улыбка и она дарила ее нам. В своих усилиях отогнать наше горе она даже забывала про свое собственное.

Но день моего отъезда неизбежно наступил. Вечер накануне мы провели все вместе; с нами был и Клерваль. Он попытался уговорить своего отца, чтобы тот позволил ему вместе со мной учиться в университете. Однако все было напрасно — жизнь его отца была целиком сосредоточена на торговле, и в